

Российское масонство: потаенная переключка веков

Сегодня в социальном хаосе формируется зародыш нового общества. Но его появлению на свет должна предшествовать выработка системы нравственных ценностей, подобная той, какую дала европейским народам Реформация. Не имея ее, грядущая Россия вновь окажется нежизнеспособной. Действительно, ничего не вырастет на пустом, заброшенном месте, где почва заранее не подготовлена и не удобрена. Будущее — продолжение прошлого, пусть даже в настоящем многие из национальных традиций оказались прерваны. Наше общество едва только начало работу по переосмыслению отечественного духовного наследства, которое следует охватить во всей его целостности и неоднозначности — без прочерков, без замалчивания...

Одна из потаенных, но значимых, а временами выходящих на поверхность струй его — масонство. К сожалению, пока тема русского масонства во многом как бы отдана на откуп полуграмотным авторам из наследников черносотенцев, что везде и во всем ищут жидо-масонский заговор. Масонство несет на себе отпечаток двусмысленности, чему немало способствовали и сами «вольные каменщики» с их приверженностью тайне (но это, впрочем, отличает любые эзотерические течения). Книги дореволюционных историков (в том числе маститого академика А. Пыпина) широкому читателю недоступны. Между тем и в наши дни масонство остается живым мировоззрением, очень привлекательным для ищущего моральных опор человека. Недаром вышедшие в последнее время переводные работы разошлись мгновенно.

Порою кажется, что наследие XIX—начала XX века, а тем более XVIII века, давно каталогизировано и инвентаризировано. Однако постоянно открываешь, что это далеко не так. Сознание общества активно обращается к «трудам и дням» Л. Толстого и Вл. Соловьева. Но мало обращают внимания на то, что и тот и другой следуют по стопам русских масонов. Работы «вольных каменщиков» определяли духовный климат России второй половины XVIII века — в ее лучшие исторические времена. Нельзя сказать, что Н. Новиков, А. Радищев, Н. Карамзин забыты; однако первый именуется просветителем, второй — революционером, третий — писателем и историком. Числя эти фигуры по разным ведомствам, как-то забывают о том, что их объединяло, — о масонстве.

* *

Масонство возникло в начале XVIII века, другими словами, в эпоху, когда раскол христианского мира был завершен. Существовали католическая и православная церкви, а из недр католицизма вышел целый ряд протестантских толков.

Новиков В. И. — кандидат филологических наук, культуролог.

Главной целью народившегося тайного ордена было новое воссоединение христианства. (Надо отметить, что это не нашло одобрения у католических верхов. Уже в 1738 году папа Климент XII осудил масонство.) Одновременно появление «новой секты» и ее стремительное распространение свидетельствовали о глубоком кризисе, охватившем европейское общество. «Вольные каменщики» провозгласили приоритет моральных ценностей перед ценностями государственными, воплощаемыми в абсолютизме. Член масонской ложи был свободен и от церкви, и от государства; в ее стенах все были равны: аристократ, торговец, крестьянин, ремесленник. Это была ячейка нарождающегося гражданского общества эпохи модерна¹.

Золотой век российского масонства лучше всего назвать временем Новикова. Наши отечественные «вольные каменщики» всегда сохраняли в мировом масонском движении «лица необщее выражение». Пушкиным произнесены замечательные слова о масонах «новиковского периода»: «Мы еще застали несколько стариков, принадлежащих этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали»².

История русского масонства от эпохи Петра I (царь-преобразователь по преданию и был первым русским масоном) до времени Екатерины II малоинтересна. Оно не выходило из узкого круга дворянских верхов. Фактически масонство было одним из многочисленных проявлений моды на все европейское, другими словами, поверхностным, даже попугайским повторением чужого; точно таким же, каким было тогда и русское вольтерьянство. Положение изменилось, когда грянул очередной «российский кризис». После долгой «застойной» елизаветинской эпохи империя оказалась перед необходимостью очередной модернизации общества. Именно тогда масонство вышло из дворцов верховной знати и заявило о себе как духовная сила. Это время имеет много схожего с нашим «сегодня». Правительство Екатерины II объявило широкую программу реформ, которая была изложена в знаменитом «Наказе». В Москву были созваны депутаты губерний для выработки нового государственного уложения.

Все это породило большие надежды. Думающий человек вздохнул свободнее и осмелился, пусть и несколько туманно, «говорить правду». Детищем всеобщего подъема стала знаменитая сатирическая журналистика, где впервые в полный голос заявил о себе Новиков. Свою лепту внесла, как известно, и императрица. Однако вскоре надежды на близкое наступление эры «просвещенной монархии» развеялись. Депутаты, прозаседав больше года, разъехались, ни о чем не договорившись. Попытки реформ вызвали пугачевщину; ожили исторические воспоминания о Смутном времени. Общество поняло, что мирное сосуществование привилегированных и угнетенных сословий — рискованная иллюзия. Правительство продолжало реформы, но уже без помпы и шума. Стало очевидным, что в результате их страна не получит благоденствия и даже кое-что из того, что было достигнуто в предыдущее царствование и чем дорожили, будет утрачено навсегда. При Елизавете Россия, как никогда, наслаждалась внутренним миром. Казалось, «наружному процветанию» просто не может быть конца. Но он наступил и, по крайней мере, с первого взгляда был результатом самых добрых намерений новой императрицы и ее европейски мыслящего окружения. Образованные круги отошли от правительства и сделали попытку найти собственный путь. Они обрели его в масонстве.

Этот процесс лучше всего охарактеризовать словами Н. Бердяева из книги «Русская идея»: «Масонство было у нас в XVIII веке единственным духовно-общественным движением, значение его было огромно... Лучшие русские люди были

¹ См. Koselleck R. Critique and Crisis Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Camb. (Mass.), 1988.

² Пушкин А. С. Александр Радищев. Поли. собр. соч., т. 7. Л., 1978, с. 241.

масонами... Массонство было первой свободной самоорганизацией общества в России, только оно и не было навязано сверху властью»³. И так, масоны сознательно отвергли союз с правительством, тем самым дав ему понять, что, по их разумению, гармоничное общество должно состоять из свободно мыслящих личностей, а не из дышащих манекенов, обтянутых официальным мундиром.

Русское общество переживало и идеологический кризис. Массонство явилось проявлением внецерковной религиозности. Оно, с одной стороны, было реакцией на широкое распространение европейской атеистической философии, а с другой — вызвано на свет тем, что церковь утратила свою роль главной духовной силы, покорно пойдя в услужение монархии. В среде масонов даже раздавались голоса, что церковь — «отживающее учреждение». Религиозные искания просвещенных русских поневоле проходили мимо церковных врат, но это отнюдь не значит, что они начисто отрицали нравственные ценности седой старины. Среди масонов были подлинные праведники (например С. Гамалея), которых смело можно поставить рядом с великими подвижниками XIV—XV веков; их жизненный подвиг ничуть не ниже.

В духовном плане масоны продолжили дело Петра I, ибо не только всячески искали связей с западными «братьями», но и жаждали научного знания. Сама задача борьбы с вольтерьянством, оперирующим данными позитивных наук, требовала овладения этими науками с тем, чтобы перетолковать их достижения в религиозно-нравственном смысле. Русские масоны были достойными детьми своего деятельного времени. Принадлежность к союзу «вольных каменщиков» приобщала к размышлениям о сокровенном смысле жизни. Легенды о храме Соломона и убийстве мастера Хирама, символы, обряды — все это не затемняло сознания, а, наоборот, пробуждало его к требованиям современности. Ритуальная игра, воскрешающая обряды тамплиеров, отвечала духу времени. Она вполне вписывалась в пеструю картину «столетия безумно и мудро». В своей знаменитой книге «Homo Ludens» И. Хейзинга пишет: «На каждой странице истории культурной жизни XVIII века мы встречаемся с наивным духом честолюбивого соперничества, создания клубов и таинственности, который проявляет себя в организации литературных обществ, обществ рисования, в страстном коллекционировании раритетов, гербариев, минералов и т. д., в склонности к тайным союзам, к разным кружкам и религиозным сектам,— и в подоплеке всего этого лежит игровое поведение... Именно увлеченность игрой и не умеряемая никаким сомнением самозабвенность делают их исключительно плодотворными для развития культуры»⁴. Массонские игры пронизывала серьезная мысль, ибо играющие искали воплощения своих идеалов в «сегодня». Результаты их трудов очень скоро стали явственными.

Историк русской философии В. Зеньковский справедливо отметил: «В русском массонстве формировались все основные черты будущей «передовой» интеллигенции — на первом месте здесь стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм»⁵. Свою преемственность с масонами ощущали очень многие из представителей этой «передовой» интеллигенции. В середине XIX века Герцен, публикуя в Лондоне записки виднейшего масона И. Лопухина, писал: «Откуда у Лопухина — это единство, этот сознательный, верный себе шаг по дороге, однажды им избранной? Его странно видеть среди хаоса случайных, бесцельных существований его окружающих... Из пенящегося брожения столбовых атомов, тянущихся разными кривыми линиями и завитками к трону и власти, Лопухин был выхвачен своей встречей с Новиковым, своим вступлением в мартинисты...»⁶. Между мартинистами была челове-

³ Бердяев Н. А. Русская идея. «О России и русской философской культуре». М., 1990, с. 57.

⁴ Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1992, с. 210—211.

⁵ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. М., 1991, с. 108.

⁶ По имени французского мистического писателя Клода де Сен-Мартена, высоко почитаемого в русских массонских кругах.

ская связь, опора, круговая порука, обмен сил, и как бы они мистически не понимали и какими бы иероглифами не заменяли ее, они стояли гораздо выше шаткой и бесцельной толпы... У них было сознание совокупного труда. Член союза, член тайного общества чувствует себя не одиноким сиротой, а живой частью живого организма. И вот откуда нравственная сила Лопухина»⁷. Слово «интеллигенция», возможно, режет слух и неуместно здесь. Ведь в данном контексте речь идет о людях, желающих работать на благо человечества, а не обслуживать государственную машину. По-своему и масоны, и Герцен утверждали свободу человеческого духа и право на вечные поиски.

Центральной фигурой российского масонства был Новиков. Он начал свою деятельность энергичным сторонником нового правительственного курса. В числе прочих гвардейцев он был командирован в Комиссию депутатов для работы «по письменной части». Обязанности Новикова были достаточно широкими. На его ответственности находились журналы заседаний отделения «о среднем роде людей»; он также вел журнал общих собраний депутатов и зачитывал его на докладах императрице. Уже с этого времени он стал лично известен Екатерине II.

После роспуска Комиссии Новиков показал себя даровитым и смелым журналистом, издателем сатирических журналов «Трутень», «Живописец», «Кошелек» (1771—1774 годы). Надо отметить, что и сама Екатерина II помещала в «Живописце» свои статьи. Однако собственный опыт скоро разочаровал его. Публика охотно читала и «Трутень», и «Живописец», но мало кто серьезно думал исправляться; на улучшение нравов эти издания не оказали никакого воздействия. Кроме того, возможность журналистской работы зависела от расположения властей, которым ничего не стоило в одночасье прекратить ее.

Новиков был посвящен в 1775 году в петербургской ложе «Астрея», но в следующем году он переезжает в Москву, выходит из «Астреи» и образует новую ложу «Гармония». В эту ложу входят многие авторитетные масоны: поэт Херасков, архитектор Баженов, один из тузов «первопрестольной» П. Татищев, правитель канцелярии московского генерал-губернатора С. Гамалея, даровитые молодые дворяне — А. Кутузов, И. Тургенев (отец знаменитых «братьев Тургеневых»), И. Лопухин. Начиная с 1778 года, Новиков издает журнал «Утренний свет», ставший органом новорожденного «братства».

Жизненная задача Новикова — выработка цельного мировоззрения. Необходим был новый путь, каковым мог быть только путь «нравственного совершенствования». Именно этой идее была суждена великая миссия в русской культурной традиции.

Новиков пришел к выводу, что единственный и самый верный инструмент просвещения — книга. Крупнейший современный знаток той эпохи Ю. Лотман писал: «Новиков соединял в себе практика и мечтателя. Любое дело горело в его руках. Он умел и любил заниматься практическим организаторством, создавая типографии и журналы, научные общества и аптеки. Практическая хватка его была исключительной. Он мог, начав с копейки, взятой в долг, в короткий срок организовать дело, оборот которого исчислялся сотнями тысяч. Однако вся эта кипучая практическая деятельность имела для него смысл лишь потому, что с ее помощью он надеялся превратить Россию в прекрасное царство просвещения и братства»⁸.

По мнению современников, именно Новиков создал в России читателя; другими словами, благодаря широкому размаху дела новиковская книга проникла во все слои общества на всем пространстве империи; ее можно было найти и в Малороссии, и в западных прибалтийских губерниях, и в центре России, и в отдаленных медвежьих углах Сибири.

Деятельность Новикова — одна из блестящих страниц в истории российского предпринимательства. Он был великим мастером «делать деньги». Его

⁷ Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990, с. VIII.

⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987, с. 36.

Предприятие работало для своего времени идеально. В. Ключевский так разъясняет его программу: «Новиков превосходно устроил сбыт книг, завел комиссионеров, вступил в сношение с петербургскими книгопродавцами и вообще чрезвычайно оживил книжную торговлю в России. Случилось неслыханное дело: книжная лавка Новикова у Воскресенских ворот по спросу ее товара стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого моста. Вместо двух существовавших в Москве книжных лавок с оборотом 10 тыс. руб. при Новикове и под его влиянием явилось их здесь до 20, и книг продавали они ежегодно тысяч на 200 рублей»⁹.

Новиков и ближайшие к нему масоны образовали «Дружеское ученое общество». Это «Общество» получило официальный статус в октябре 1782 года, но фактически было создано еще в 1779 году. Средства были собраны среди «братьев» ложи «Гармония». Основным жертвователем был богач П. Татищев, увлеченный горячей проповедью Новикова. Опять-таки мысль о подобном союзе просвещенных людей сначала казалась пустым мечтанием. Современникам нравились такие планы, но они относили их реализацию к далекому будущему, когда будет построена идеальная республика Платона. Но вновь скептики были посрамлены. Уже к 1784 году «Дружеское ученое общество» выросло в миллионное предприятие. Оно ставило своей задачей покровительство наукам; ради этой цели его члены завязали переписку с европейскими знаменитостями. На средства «Общества» при Московском университете были открыты Учительская и Переводческая (Филологическая) семинарии; все студенты получали стипендии.

В той или иной степени масонами были громадное число образованных русских; по неполным подсчетам — более трети просвещенных слоев общества. Многие представители интеллектуальной элиты того времени деятельно трудились в ложах, «обтесывая свой камень». Однако их главной целью было общественное служение. Характерна фигура другого выдающегося просветителя-масона И. Шварца — экстраординарного профессора Московского университета по кафедре «философии и беллетров».

Имя Шварца забыто несправедливо. О нем слышали разве что те, кто интересуется историей масонства. Этому способствовали и кратковременность его деятельности, и то, что собственных трудов он не оставил. Личность Шварца быстро превратилась в «благородное предание». Он появился в Москве в 1779 году, но уже раньше поддерживал связи с московскими масонами, имевшими возможность оценить его широкие познания и таланты.

Шварц открывает список русских ученых — профессоров Московского университета, прославившихся не только на научной, но и на общественной стезе. Его ближайшими последователями были Мерзляков, Грановский, Шевырев. После Новикова он, бесспорно, был самой деятельной личностью среди членов «Дружеского ученого общества», на создание которого положил немало трудов. Ему принадлежит как сама мысль о воплощении «Платоновой идеи», так и первоначальные проекты Учительской и Переводческой семинарий.

Расцвет деятельности Шварца падает на 1782 год (а умер он скоропостижно (17 февраля 1784 года в подмосковной усадьбе князя Н. Трубецкого Очакове, где и похоронен). В этом году он прочел в Московском университете курс «эстетической критики». С университетской кафедры прозвучали имена не только Аристотеля и Квинтилиана, но и Буало и Баумгартена. Лекции Шварца фактически явились исторической панорамой мировой культуры в ее преемственности и неуклонном становлении. Красноречивый оратор, подобно Лессингу в «Лооконе», сравнивал создания поэзии с живописью, скульптурой и архитектурой, выделяя специфику и выразительные средства всех этих искусств. Конкретный анализ он сопровождал общими рассуждениями о границах познания, о возможностях человеческого ума. Один из его слушателей вспоминает, что Шварц «показал нам отношение чудес одной науки к другой, вперил в нас то под

⁹ Ключевский В. О. Воспоминание о Новикове и его времени. «Исторические портреты» М., 1990, с. 387.

иероглифами, то на яснейших своих опытах, сколь удивительна связь материи и духовности, какой нерушимый узел между Богом и человеком и какие мы и вся природа имеем пределы и ограничения»¹⁰. Не вдаваясь в тонкости его философских и мистических исканий, следует только подчеркнуть, что Шварц впервые в России прививал своим студентам цельное мировоззрение. Молодой профессор учил не только погружаться в таинства науки, но и «жить по правилам благонравия». Наука питает могущество разума, а воспитание, согласно учению Христа,— основа духовности человека, выделяющая его среди прочих творений Божьих.

Деятельность Новикова и его окружения скоро принесла свои плоды. Достаточно сказать, что из среды масонов вышли два великих писателя, оказавших громадное влияние на русскую литературу. Это Радищев и Карамзин.

В новиковском журнале «Беседующий гражданин» Радищев поместил одно из центральных своих произведений — «Беседу о том, что есть сын отечества». (Статья без подписи; авторство Радищева установлено П. Щеголевым.) Это своеобразный манифест нарождающегося гражданского сознания. Писатель выступает против официальной идеологии, рупором которой была книга «О должностях человека и гражданина», изданная по повелению Екатерины II. Правительство стремилось обуздать общественную активность и направить человека, желающего принести пользу отечеству, на стезю, предусмотренную «Табелью о рангах». Каждый дворянин обязан служить — таково было требование верхов. Радищев возражает, что подчас гораздо больше пользы, можно принести, будучи только гражданином, а не чиновником или военным. Подобным свободным деятелем был Новиков — и это было в то время неслыханной вольностью, что в скором будущем императрица ему припомнила.

Знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» посвящено Алексею Михайловичу Кутузову — одному из ближайших друзей Новикова, масону в ложе «Гармония». Кутузов был подлинным «сыном отечества» в радищевском смысле. Он пожертвовал всем своим небольшим состоянием, когда встал вопрос о складчине на создание «Дружеского ученого общества». Кутузов был дружен с Радищевым с ранних лет. Вместе они были пажами при Екатерине II, затем посланы учиться в Лейпцигский университет, где жили в одной комнате. Дружба продолжалась и после возвращения на родину; по воспоминаниям Кутузова, они продолжили бок о бок 14 лет, пока судьба их не развела. Образованнейший человек своего времени, Кутузов был одним из основных сотрудников Новикова как переводчик и редактор. Современники рисуют его человеком одной идеи, готовым на беззаветное служение ей. Он помнился всегда серьезным, молчаливым, самоуглубленным. Главным в жизни Кутузов полагал деятельный труд на пользу человечества; характерно, что всякого рода отшельников, удалявшихся в пустыню ради спасения души и молитвы, он называл просто лентяями.

Радищевское *credo* совпадает с программой нравственного совершенствования Новикова, с его поисками истины внутри души человека. Но писатель, едва обсохли чернила, поспешил обнародовать свою книгу, прекрасно понимая, какими последствиями это грозит. Свои дерзновенные мысли он рассматривал как акт общественного служения.

Удивительное долголетие творения Радищева невозможно понять, если не услышать в этой книге первое по-настоящему свободное слово, произнесенное в России. Действительно, недостатки бьют в глаза; уже декабристам, воспитанным на «легкой» карамзинской прозе, она казалась чересчур архаичной и темной по стилю. Но из груди русского человека наконец-то вырвался горький стон боли за свое отечество. С Радищева начинается российская интеллигенция, олицетворяющая большую совесть нации. В этой книге уже есть все, что отличает сознание интеллигенции: и отказ служить властям, и чувство отрыва от народа.

¹⁰ Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая половина XIX века. Пг., 1916, с. 157.,

Историк Н. Эйдельман определяет пафос «Путешествия из Петербурга в Москву» словом: стыд. Этот стыд унаследовала великая русская литература. Вот почему книга Радищева еще долго не будет застывшим в своем безжизненном величии «литературным памятником».

Карамзин прошел в кругу Новикова школу духовного возмужания. Он был введен туда видным масоном, суровым ригористом И. Тургеневым. Несколько лет Карамзин жил в своеобразном масонском общежитии вместе с Гамалеей и Кутузовым в Кривоколенном переулке (в доме, купленном на братские деньги). О Гамалее Ключевский писал: «Я недоумеваю, каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии прошлого века, мог уцелеть человек первых веков христианства. Гамалее подобает житие, а не биография или характеристика»¹¹. Не только маститый историк, но и писатель А. Писемский (он завершил свой творческий путь романом «Масоны», повествующем о последних движениях этого движения в российской провинции 1830-х годов) отмечал связь «вольных каменщиков» с традициями русской святости. Он писал французскому литератору В. Дерели (переводчику его произведений): «Наши собственные масоны... с вашими... рознились. И вот, сколько я мог извлечь из чтения разных переписок между масонами, посланий ихних, речей, то разница эта состояла в том, что к масонскому мистическому учению... они присоединяли еще учение и правила наших аскетов, основателей нашего пустынножительства, и зато менее вдавались в мистическую сторону»¹². Основными чертами русской святости Г. Федотов считал «пост и труд»¹³, понимая под «постом» умеренность жизни; он особо акцентирует внимание на том, что наши подвижники никогда не чуждались «книжной премудрости», а некоторые (Авраамий Смоленский, Нил Сорский) достигали вершин учености. Особо следует указать на Андрея Рублева — не только великого праведника, но и великого художника. Российские масоны вписываются в отечественную духовную традицию; уже поэтому они не были простыми аналогами европейских «братьев».

Вернемся к Карамзину. Понятно, что близость с такими «светильниками духовности», как Новиков, Кутузов, Гамалея, не могла пройти бесследно для молодого человека. Но в их среде он получил и могучий творческий импульс, определивший весь его дальнейший путь. Споры масонов пестрели эзотерическими и научными терминами, аналогов которым на русском языке не было, и это ставило еще один барьер на пути просвещения. Карамзин постепенно приходит к мысли о необходимости реформы русского языка; он начинает «выдумывать слова». Упорно работая над разгадкой «языковых тайн», он учится, читает, размышляет. Под свежим впечатлением таких начинаний Новикова, как «Древняя Российская Вифлиофика», просыпается интерес к истории. Однако не менее важно и то, что, подобно Новикову, сознательно отказавшемуся от службы ради трудов на благо просвещения, Карамзин первым из русских писателей стал профессионалом. Оба были «неслужащими дворянами», что являлось в тех условиях смелым шагом. Это — главное (по мнению Лотмана), что Карамзин вынес из ордена «вольных каменщиков»; таков был его собственный путь нравственного совершенствования. Своих воззрений он не изменил до последнего дня. Именно в недрах российского масонства зародился бунт личности против деспотии государства.

Трагический финал трудов Новикова был предопределен тем, что московские масоны позволили себе быть слишком независимыми. Как ни странно, но особое недовольство правительства вызвала энергичная деятельность Новикова во время голода, разразившегося под Москвой в 1787 году. При первых же слухах он поспешил в свое имение Авдотьино, где роздал бесплатно крестьянам в округе 50 верст не только собственные запасы, но и хлеб, закупленный им на масонские деньги. В самодержавной стране появилась филантропическая организация, готовая со-

¹¹ Ключевский В. О. Исторические портреты... с. 382.

¹² См. Писемский А. Ф. Собр. соч. Т. 8. М., 1959, с. 478.

¹³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 234.

перничать с властями. Правительство ничего подобного допустить не могло. Дальнейшее известно. Утеснения следовали одно за другим, и в конце концов по личному указанию Екатерины II срок аренды университетской типографии Новикову не был продлен. В 1792 году он был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

После тюрьмы Новиков перестал быть центральной фигурой русского масонства. Обремененный многочисленными недугами, он жил отшельником в Авдотьино. При Павле I деятельность лож была негласно прекращена монаршей волей; она вновь оживилась после воцарения Александра I. Но масонство уже потеряло свой нравственный накал, как бы возвратясь на круги своя в до-новиковский период. Вновь в центре внимания оказались «разгадки масонских тайн». Человека призывали сосредоточиться на «пробуждении внутреннего христианства», а вовсе не на «наружных делах». На короткое время масонство стало модой. «Работа» лож практически протекала у всех на виду. В обществе считалось даже неприличным не быть масоном. Трудно указать на кого-нибудь из знаменитых людей того времени, кто бы в той или иной степени не примыкал к сообществу «вольных каменщиков»; но оно уже фактически исчерпало себя. Российское масонство, с одной стороны, стало светской игрой, с другой — переродилось в политическое движение. Первая декабристская организация «Союз спасения» возникла как ответвление ложи «Соединенных друзей». Да и власть, решительно вставшая на путь всеобщей унификации, все подозрительнее смотрела на масонские ложи как на очаги (пусть даже чисто религиозного) вольномыслия. Финал был закономерен. Масонские ложи были запрещены в 1822 году.

Правомерно задать вопрос: а что, собственно, было запрещено? Можно ответить так: были запрещены люди, которые ощущали свою невместимость в систему существующих общественных связей, другими словами, были слишком индивидуальными; были запрещены люди, оказавшиеся конкурентами правительству по работе «в миру», что российская власть всегда терпела с трудом. Это был тип человека, которого нам так не хватает сегодня в России.

* * *

На протяжении почти трех четвертей XIX века можно только говорить о подпольной струе масонства в духовной жизни России; но импульс, данный Новиковым, был столь силен, что он буквально пронизал ее насквозь. Не кто иной, как Л. Толстой, сделал масоном своего главного героя. Понятно, что речь идет о Пьере Безухове, которого сам великий писатель считал своим «вторым я».

«Масонские главы» принадлежат к центральным во 2-м томе «Войны и мира». Сообщество «вольных каменщиков» стало важнейшим этапом психологической эволюции Пьера Безухова. Случайная встреча на почтовой станции с известнейшим масоном еще новиковского времени Осипом Алексеевичем Баздеевым как бы перевернула его жизнь. (Прототипом Баздеева был О. А. Позднеев — один из самых авторитетных московских масонов, своими душевными качествами напоминавший Гамалею.) Он вопрошает молодого аристократа: «Погляди духовными глазами на своего внутреннего человека и спроси у самого себя, доволен ли ты собой. Пьер отвечает, что он ненавидит свою жизнь. Эти слова вызвали у Баздеева новые обличения и призывы: «Ты ненавидишь, так измени ее, очисти себя, и по мере очищения ты будешь познавать мудрость. Вы получили богатство. Как вы употребили его? Что вы сделали для ближнего своего?.. Вы говорите, что вы не знаете Бога и что вы ненавидите свою жизнь. Тут нет ничего мудреного, государь мой». В словах Баздеева слышится голос самого Толстого. Он не раз, обуреваемый душевными муками, задавал себе аналогичные вопросы и отвечал

точно так же, как готов был сказать Пьер Безухов: «Мерзкая, праздная, развратная жизнь».

Отношение Толстого к масонству двойственное. Образ Баздеева рисуется им с большой симпатией. Такие фигуры русской жизни были ему дороги. Великого писателя не могли не привлекать конечные цели «вольных каменщиков», но его отталкивало разделение человечества на «посвященных» и «профанов». Умозрительной чепухой представлялась ему — человеку трезвого XIX века — и масонская мистика. Толстой масоном не был, да и современное масонство, если бы он столкнулся с ним, вероятно, вызвало бы у него резко негативное отношение. Но в своей общественной деятельности и в ипостаси писателя-моралиста он был продолжателем дела Новикова.

Сам Толстой относил свои духовные истоки к XVIII веку. Он ясно осознавал, чьим именно преемником является. Например, запись в дневнике молодого писателя от 20 декабря 1853 года: «Читал философское предисловие... к журналу «Утренний свет»... в котором он (Новиков.— В. Н.) говорит, что цель журнала состоит в любомудрии и развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы — нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравовучения в литературе, никто не поймет вас... Вот цель благородная и для меня посильная — издавать журнал, целью которого было бы единство распространения полезных (морально) сочинений»¹⁴. Свое намерение Толстой претворил в жизнь сначала в журнале «Ясная Поляна», затем в «Новой азбуке», «Книгах для чтения», «Народных рассказах». Открывая яснополянскую школу, он мечтал спасти тонущих в народном невежестве «Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых», которых каждый день можно встретить на деревенской улице. «Новая азбука» была его «гордой мечтой». «Написав эту Азбуку, мне можно спокойно умереть»¹⁵, — открывается Толстой жене — самому близкому человеку.

Вся этическая программа толстовства, все постулаты его (непротивление злу насилием, общепольный труд, простота жизни) являются повторением в новых условиях нравственных установок Новикова и его окружения. Толстой рассматривал писательство как «духовное дело» и тяжело переживал, что вынужден брать за это деньги. Необходимо подчеркнуть и то, что и толстовство, и русское масонство XVIII века были формой внецерковного христианства. На их преемственность указал уже П. Милюков. Толстовство было порождено пореформенной эпохой, другими словами, очередной российской модернизацией. Имя Новикова редко встречается на страницах, вышедших из-под пера великого писателя Земли русской, но поражает, что в жизни и того и другого было много схожего. Новиков в свое время спас подмосковных крестьян от голода; это же сделал и Толстой в Поволжье. Оба подверглись правительственным порицаниям за свою «неуместную» инициативу. Издательская деятельность Новикова нашла прямое продолжение в организованном В. Чертковым издательстве «Посредник», публиковавшем дешевые «высоконравственные» книги для народа. «Посредник» должен был вытеснить низкопробную литературу, которой торговали офени. Толстой писал: «Направление ясно, выражение в художественных образах учения Христа, его 5 заповедей; характер — чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку и чтоб и тот и другой заинтересовались, умилились и почувствовали бы себя добрее»¹⁶. Соблазнительно сказать, что толстовство — это то же новиковское масонство, но такое, каким оно могло быть в XIX веке.

Долгое время казалось, что масонство окончательно отошло в область преданий. XIX век был веком буржуазной трезвости; представлялось, что в эту положительную эпоху нет места никаким тайным орденам. Но приближалось

¹⁴ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х томах. Т. 21. М., 1985, с. 106.

¹⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. т. 61, с. 269.

¹⁶ Там же, т. 63, с. 326.

начало нового столетия. Время «Великих реформ» сменилось «застойным» десятилетием Александра III. Конец этого благополучного царствования поставил вопрос о неизбежной революции на повестку дня. Наиболее дальновидные общественные силы пытались направить страну по пути дальнейшей модернизации, стремясь избежать ужасов новой смуты. Именно в этих кругах масонство не только возродилось, но и получило широкое распространение. Однако оно совершенно изменило свой характер. Трагические предчувствия носились в воздухе. Нетрудно понять, почему новое русское масонство было пропитано духом политики; вопросы нравственности и культуры отошли на второй, если не на третий план. В списках лож почти нет имен литераторов или художников; зато обильно встречаются думские деятели, лидеры кадетов, представители верхов бизнеса. С масонами XVIII века их роднит лишь попытка найти собственный путь преодоления надвигающегося хаоса, ибо правительство все чаще демонстрировало свою бездарность. Но ни влиять на события, ни, тем более, руководить ими масонским ложем не удалось; и не в последнюю очередь потому, что политическая игра вообще была чужда историческим традициям российских «вольных каменщиков».

Тем не менее советская власть узрела в масонах непримиримых противников и обрушила на них всю тяжесть своего репрессивного молота. Уже в 1920 году на IV конгрессе Коминтерна Троцкий заявил, что «масонство — мост, соединяющий в мирном сожительстве классовых врагов»; это «буржуазное орудие, усыпляющее сознание пролетариата», нетерпимо в стране рабочей диктатуры¹⁷. Аналогичные обвинения были выдвинуты и против толстовства. Новое государство в отношении масонов поступало точно так же, как и старое; и это еще одно свидетельство того, что своей деспотической сути оно не изменило. Печально знаменитый «философский пароход» увез из России и некоторых видных масонов (высланы были также активные работники Общественного комитета помощи голодающим — как удивительно повторяется история!). Следы тех, кто остался, теряются в концлагерях.

Почему масонство как духовное движение оказалось стойким? Деятельность российских лож была перенесена за рубеж, где они стали одним из центров культурной работы эмиграции. Активным масоном был писатель М. Осоргин, достигший высоких степеней орденской иерархии; он был оратором в ложе «Северная Звезда», наиболее влиятельной и элитарной из русских лож. В этой роли Осоргин проявил себя прямым продолжателем новиковских традиций. Цели движения так определены им в одной из речей при посвящении новых «братьев»: «Масонство вовсе не система нравственных положений и не метод познания, и не наука о жизни, и даже, собственно, не учение... Братство вольных каменщиков есть организация людей, искренне верящих в приход более совершенного человечества. Путь к совершенствованию человеческого рода лежит через самоусовершенствование при помощи братского общения с избранными и связанными обещанием такой же над собой работы. Значит — познай себя, работай над собой, помогай работе над собой другого, пользуйся его помощью, умножай ряды сторонников этой высокой цели. Иначе — союз нравственной взаимопомощи»¹⁸. Другими словами, братство «вольных каменщиков» — альянс деятельных людей, объединенных одним душевным настроем. В своих трудах «братья» рассчитывают только на собственные силы. Ложам надлежит стать ячейками идеального жизнеустройства.

¹⁷ К масонству Троцкий всегда был непримирим. В «Моей жизни» он с ехидством писал: «Французские мелкобуржуазные парламентарии, стремясь противопоставить расплывающейся силе современных отношений некоторое подобие нравственной связи людей между собою, не находят ничего лучшего, как надеть белый фартук и вооружиться циркулем или отвесом. Сами они при этом, собственно, имеют в виду не строить новое здание, а лишь проникнуть в давно построенное здание парламента или министерства». (См. Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1991, с. 128.)

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 1464, оп. 1, ед. хр. 60, л. 1—2.

Конец XX века знаменателен возрождением традиций. Определяющий момент современного российского кризиса: модернизация проходит под флагом реставрации. Следует ожидать, что и масонство вновь подаст свой голос; можно с уверенностью сказать, что это духовное движение окажется притягательным для достаточно широких слоев интеллигенции и предпринимателей. Новиков прежде всего был практическим деятелем. Соединение трезвого практицизма с высокими нравственными целями — одна из характерных черт российских «вольных каменщиков». Трудно сказать, сколь велико будет их участие в создании нового морального климата в стране, но почти нет сомнения, что свою лепту они внесут. Кажется, наконец-то близки времена, когда Российское государство будет вынуждено ослабить свой всемогущий пресс; иначе оно просто-напросто обречет себя на деградацию. Деятельность «вольных каменщиков» всегда была принципиально вне государственных рамок; работа лож была попыткой создания ячеек гражданского общества. Масонство с его ритуальностью может найти приверженцев и в офицерском корпусе (что также традиционно для России). Это, конечно, благотворно скажется на оздоровлении армейской атмосферы.

Крах коммунистической идеологии образовал вакуум в религиозном сознании русского человека, и этот вакуум официальная церковь заполнить едва ли в состоянии. Пройдет еще не одно поколение, пока изгладится в памяти ее слишком уж компрометирующее прошлое. Масонство с его обаянием исторического предания, жаждой просвещения, целеустремленностью нравственных поисков будет откровением для очень и очень многих, не знающих, как обрести полноту душевной жизни. Нашему современнику не менее привлекательна и игровая сторона масонства; он всей душой готов погрузиться в «серьезные игры» (говоря словами Г. Гессе). Но опыт прошлого учит, что движение «вольных каменщиков» окажется жизнеспособным только в том случае, если оно пойдет по стезе активной духовной работы. Масонским ложам надлежит стать благотворительными фондами и издательствами, а не политическими клубами или коммерческими конторами. Иначе они быстро канут в небытие.

Французский писатель А. Мальро, заглядывая в будущее, пророчил, что XXI столетие будет религиозным или его просто не будет. Уже очевидно: начавшееся в России продолжится на Западе. Человечество вновь у преддверия глобальной смуты. Не только советский социализм духовно исчерпал себя; «общество всеобщего потребления» тоже не очень довольно своим моральным состоянием. Всюду — и там и здесь — необходимы новые нравственные императивы; это уже вопрос жизни и смерти. Масонство как внецерковное христианство, не делающее различия между католиком, протестантом и православным, всегда было идеальным организационным образцом для оформления религиозных исканий. И своих возможностей оно далеко не исчерпало. Другой вопрос в том, что российское масонство, возродившись, просто будет обязано сохранить в мировом масонстве свое национальное «лица необщее выражение». Это возможно только на пути, некогда проложенному Новиковым «со товарищи».

В. Новиков, 1994